

УДК 069(571.53)+39
DOI: 10.17223/22220836/24/18

О.А. Чернявская

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ КОЛЛЕКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ В ФОНДАХ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье анализируются проблемы атрибуции музейных предметов определенной коллекции в фондах Иркутского областного краеведческого музея. Основная масса музейных предметов по этнографии коренных народов Северо-Востока Сибири поступила в музей в конце XIX – начале XX в., в период, когда традиционная одежда частично заменяется одеждой пришлого населения. История формирования коллекции одежды народов Северо-Востока Сибири позволяет представить масштабы научной работы в Восточной Сибири в конце XIX в. Трудности научного определения предметов традиционной одежды уходят корнями в прошлое музея, которое неразрывно связано с историей страны.

Ключевые слова: комплектование коллекций, инвентаризация фондов, проблемы атрибуции, Иркутский областной краеведческий музей.

Задачей музея является популяризация идеи культурного многообразия, с одной стороны, и сохранение материального и нематериального культурного наследия – с другой. Одежда, как предмет, созданный человеком, концентрирует в себе опыт, хранит и передает информацию, обладает функцией «исторической памяти». Но она из ряда музейных предметов, которые не могут храниться бесконечно. К коллекциям одежды можно отнести слова С.И. Ванштейна: «...только небольшая часть этнографических объектов, притом лишь материальных, может быть сохранена в музеях, да и то они в значительной мере утрачивают свое значение подлинных памятников культуры без детального описания их изготовления, реального использования и функционирования в системе этнической культуры.» [1. С. 57]. Проблемы по изучению богатых материалов, хранящиеся в фондах сибирских музеев, поднимались в научных изданиях и на различных научных конференциях неоднократно, но до сих пор большинство этих собраний практически не введены в научный оборот. Одна из таких уникальных коллекций традиционной одежды коренных малочисленных народов Северо-Востока Сибири хранится в Иркутском областном краеведческом музее.

На всем протяжении существования музея происходили подъемы и спады в комплектовании коллекций и в их регистрации. До 40-х гг. XIX в. музей находился в подчинении Иркутской мужской гимназии. Распорядитель музея инспектор Иркутской гимназии В.И. Седаков «...составил руководство для собирания, препарирования, хранения и пересылки предметов... входил в сношение с корреспондентами, отыскивая их во всех уголках Сибири. Плодом его усилий стало создание музея, в котором в 1850 г. было собрано до 650 предметов» [2. С. 126]. С 40-х гг. XIX в. музей перешел в ведение Главного управления Восточной Сибири. В собирательской деятельности насту-

пает перерыв. В 1854 г. музей переходит в ведение основанного в Иркутске в 1851 г. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Подъем в комплектовании этнографических коллекций музея можно отнести к 70–80-м гг. XIX в., периоду работы в Иркутске во ВСОРГО Г.Н. Потанина. На повестку дня был поставлен вопрос о планомерном систематическом изучении края и духовной культуры народов Сибири. В 1883 г. была принята Программа для собирания этнографических предметов для музея ВСОРГО, которая положила начало формированию этнографической коллекции на научной основе. В комплектовании коллекций музея принимают участие представители разных социальных слоев населения: генерал-губернаторы Восточной Сибири и польские ссыльные, студенты и священники, купцы и мещане. Например, вице-губернатор Якутска В.Л. Приклонский, по долгу службы совершавший поездки в Верхоянский и Колымский округа, исследовал жизнь местного населения от устья р. Лены до устья р. Яны, где собрал в 1880-е гг. обширную этнографическую коллекцию, в том числе алеутскую камлею из рыбьей кожи.

В 90-е гг. XIX в. активное участие в формировании коллекции по этнографии эвенков принимал горный инженер С.А. Подьяконов. Более 255 предметов из быта коренных жителей Восточной Сибири были собраны им во время геологических исследований берегов Витима, Алдана и Олекмы. Д.П. Першин в отчете по работе музея за 1900 г. отмечал: «Ценность этой коллекции является тем более значительной, что алданские тунгусы, сравнительно с другими своими соплеменниками, наиболее сохранили типичные племенные черты, а поэтому и предметы их обихода, относящиеся до жилища, одежды... и других сторон жизни, несомненно, заслуживают особого внимания этнографа...» [3. С. 40].

Экспедиция, организованная на средства купца И.М. Сибирякова, имела целью, прежде всего, решение экономических задач. В то же время он писал руководителю экспедиции Д.А. Клеменцу: «Я ничего не имею против употребления сил экспедиции и на общие исследования среди инородцев, не имеющее прямых отношений к приискам... важно составить представление о типе народа, т.е. якутов, тунгусов, и вследствие этого выяснение всех других сторон жизни, касающихся верований, обычаев, языка, антропометрии...» [4. С. 19]. Работы экспедиции охватили Якутский, Олекминский и Колымский округа. На побережье Охотского моря членами экспедиции была собрана коллекция по этнографии ламутов (эвенков), в долинах рек Индигирка и Колыма комплектуется чукотская этнографическая коллекция. На заседании распорядительного комитета ВСОРГО 30 сентября 1898 г. был заслушан отчет В.Г. Богораза о том, что им собраны за время работы Якутской экспедиции «...рукописи чукотско-русского языка... до 200 фотографий. Снимки этнографические, бытовые и антропологические... этнографическая и отчасти археологическая коллекции, около 100 предметов» [5. С. 12].

В результате целенаправленной работы по комплектованию фондов в музей стали поступать большие коллекции по этнографии, быту народов, населяющих огромные северные территории. Возникла проблема с их регистрацией, но за неимением средств на содержание штата хранителей и площадей

для размещения экспонатов работа по учету велась отрывочно. В отчете ВСОРО за 1897 г., составленном правителем дел А.П. Герасимовым, отмечалось, что материалы, собранные в музее до 1897 г., находятся в необработанном виде и дать полную информацию о количестве предметов в музее не представляется возможным. Но все-таки в том же, 1897 г. на деньги, выданные лично купцом В.П. Сукачевым, под руководством консерватора музея несколько оплачиваемых лиц занимались составлением списка коллекций. На создание каталога в 1897 г. было израсходовано 44 рубля. «Систематические списки составлены в основном по народностям, а именно: буряты – 149 названий, 175 предметов, тунгусы – 57 названий, 81 предмет, народности северо-востока Азиатской России – 62 названия, 64 предмета, якуты – 312 названий, 312 предметов, смесь – 84 названия, 84 предметов. Если даже при систематизации коллекций и сделаны какие-то ошибки, тем не менее, составленные списки дают возможность судить о том, что имеется в музее, и позволяют озаботиться систематическим пополнением коллекций», – указывалось в отчете ВСОРО за 1898 г. [6. С. 45].

В книгах поступления музея, которые составлялись с 1897 г., самые ранние сборы одежды датируются 1881 г. В этот год Сулковский передал в фонды кафтан, расшитый бисером, с двумя медными бляхами, передник, вышитый бисером, приобретенный им на побережье Охотского моря. В этом же году в музей поступают: кухлянка пыжиковая с какулем, кушак из выпоротка с какулем от Левиции из Средне-Колымска. В 1897 г. было положено начало систематическому учету хранящихся в музее предметов из жизни коренного населения Сибири, но в докладе ревизионной комиссии общему собранию членов ВСОРО за 1898 г. отмечалось: «Музей до сих пор не разобран, представляет из себя склад случайных научных предметов, а не наглядное и всестороннее систематическое изображение края. Каталоги музея до сих пор не изданы» [7. С. 12]. Единственная коллекция, которая прошла систематическую обработку, стала буддийская коллекция, каталог которой был сделан священником И.А. Подгорбунским в начале XX в. К 1900 г., несмотря на прилагаемые сотрудниками усилия по упорядочению списка музейных предметов, выяснилось, что общее количество экспонатов в музее неизвестно.

Следующая попытка упорядочения системы учета имеющихся коллекций была предпринята в 1908 г., но сделаны списки только тех предметов, которые находились в витринах и на подиумах. Таким образом, те экспонаты, которые не были представлены в экспозиции, остались неучтенными. Списки предметов были отрывочные и не репрезентативные, в инвентарных книгах имелись только названия предмета без указания этнической принадлежности, размеров, места и времени поступления. В 1911 г. в Отчете Восточно-Сибирского Императорского Русского географического общества правитель дел отдела С.Г. Ширяев отмечал: «Одной из первых работ Распорядительного комитета в отчетном году было упорядочение внутренней, так сказать, жизни отдела и музея. И прежде всего огромные и очень ценные коллекции музея требовали много времени и труда для того, чтобы быть приведенными в относительный порядок» [8. Л. 2]. Но необходимо учесть, что обрабатывались только естественно-научные коллекции, этнографические коллек-

ции описывались разрозненно, бессистемно, вследствие чего не все предметы были поставлены на учет.

В послереволюционное время для Иркутского краеведческого музея начинаются годы переименований и передачи его в ведение разных государственных органов. В 1920–1921 гг. музей был выведен из-под руководства ВСОРГО и передан отделу народного образования. В 1922 г. Иркутский музей в числе немногих провинциальных музеев получил наименование государственного научного музея и был передан в ведение Главнауки. В 1926 г. название музея менялось дважды: в январе на Музей народоведения, в марте этого же года музей переименовывают в Иркутский государственный научный музей. Как отмечала хранитель этнографического отдела А.М. Попова: «Иркутский областной музей, являясь одним из крупнейших научных хранилищ Восточной Сибири, должен ставить перед собой две главные задачи: быть научно-исследовательским институтом, а также центральной базой культурно-просветительской деятельности края» [9. Л. 2]. Для выполнения этих задач необходимо было привести в порядок систему учета в музее, определить, что имеет музей на хранении.

В начале 20-х гг. XX в. первоочередной задачей хранителей отделов были проверка всех инвентарных списков и сверка с ними коллекций, а также атрибуция коллекций по шаманизму, определение по литературе и со специалистами этнической принадлежности ряда коллекций, которые ошибочно были определены в 1919–1920-х гг. Спешно составлялись коллекционные описи, музейные предметы разбивались по этнической принадлежности. За основу были взяты повитринные описи 1908 г., была проведена сверка наличия экспонатов, материалы, не вошедшие в экспозицию, вновь не были обработаны. Плановой регистрации коллекций мешала регулярная смена хранителей и заведующих отделами, так как происходила постоянная реорганизация отделов, многократная передача коллекций по отделам хранения. В конце 1924 г. отдел туземцев Сибири был объединен с монголо-бурятским отделом. В 1926 г. вновь был организован отдел туземцев Севера, который возглавила А.М. Попова. Стараниями П.П. Хороших, А.М. Поповой, Е. Титова с 1920 по 1925 г. были зарегистрированы коллекции по этнографии бурят, собранные Н. Кирилловым, М.Н. Хангаловым, Н.Н. Агапитовым в 1883–1887 гг., была начата работа по описанию коллекций В.Г. Богораза, переданных в музей в 1898–1902 гг. Несмотря на то, что коллекции последней трети XIX в. поступали в музей без сопроводительных документов, и только часть их была занесена в книги поступления № 1; 1, ч. 2, согласно акту передачи музея 1927 г. от директора Я.М. Ходукина вновь назначенному директору Н.Н. Козьмину были сгруппированы собрания по народностям: «...438 коллекций, 1997 предметов. Народности: алеуты – 10 коллекций, юкагиры – 25 коллекций, 46 предметов, коряки – 5 коллекций, 14 предметов, айны – 1 коллекция, 18 предметов, качинцы – 6 коллекций, 38 предметов, мордва – 1 коллекция, 6 предметов, чукчи – 14 коллекций (число предметов не указано), якуты – 174 коллекций, 520 предметов, тунгусы – 117 коллекций, 679 предметов, сойоты – 14 коллекций, 209 предметов, шаманство – 38 коллекций 260 предметов» [10. Л. 5].

Регистрация коллекций позволила выявить все пробелы в комплектовании этнографической коллекции музея и наметить план досбора экспонатов по этнографии коренных народов Сибири. Особенно сильно сказывалась необходимость приобретения коллекций по карагассам и эвенкам, живущим на севере Иркутской области.

Наивысший подъем в комплектовании фондов музея первой трети XX в. пришелся на 1927–1930 гг. В Государственном архиве Иркутской области хранятся документы по сбору этнографического, минералогического, зоологического, археологического материала для экспорта за границу. Для выполнения поставленной государством задачи музею выделяются значительные для того времени суммы на приобретение экспонатов: 1926 г. – 500 руб. из них 300 на закуп, 1927 г. – 700 р. из них 400 р. на закуп. Согласно приказам по личному составу сотрудники музея по несколько месяцев были в разъездах для сбора экспонатов. Например, П.Г. Полтораднев в 1928 г. с сентября по декабрь был в командировке в Тункинском аймаке (Бурятия), Б.Э. Петри два месяца в экспедиции на р. Лене и р. Киренге, А.М. Попова – в месячной командировке в Забайкалье. В январе 1929 г. П.Г. Полтораднев вновь выезжал на исследовательскую работу в Тунку. В 1930 и 1931 гг. снаряжается комплексная экспедиция от Общества изучения производительных сил Восточной Сибири, в ее составе выезжают на Нижнюю Тунгуску П.Г. Полтораднев и П.П. Хороших. Ими было собрано около 200 предметов по быту эвенков, в том числе одежда. При такой интенсивной экспедиционной работе, естественно, не оставалось времени на качественную работу по регистрации коллекций, поступивших в конце XIX в.

В середине 30-х гг. XX в. наступает коллапс в работе музея. В докладной записке обкому ВКП(б) о состоянии Иркутского областного краеведческого музея в 1937 г. директор музея А.Т. Хамуева писала: «В конце декабря 1937 г. в связи с ликвидацией краеведческого общества в аппарат музея влились библиотека, астрономическая обсерватория, научное общество по фольклору, но оживить краеведческую работу не удалось. Я не имела опыта музейной работы. При этом в Иркутском областном музее в течение ряда лет орудовали враги народа... только за период с 17 октября по 20 декабря 1937 г. было репрессировано 8 человек. Остальные научные сотрудники Подгорбунский – археолог, Арембовский – историк, Окунцов – научный работник отдела строительства ждали своей очереди в НКВД, опираться на них я не могла» [11. Л. 6]. Тридцатые годы ознаменовались арестом практически всех научных сотрудников музея, частой сменой руководства, например, только за 6 месяцев 1939 г. сменилось 6 заведующих историческим отделом. К очередной инвентаризации фондов приступили в конце 40-х гг. XX в. молодые выпускники Иркутского государственного университета. По результатам инвентаризаций 1952, 1973, 1982 гг. было определено количество и качество музейных предметов в фондах.

Одним из основных направлений в работе музея является изучение музейных предметов, которые поступили в состав собрания музея, в целях раскрытия их информационных возможностей, культурно-исторической значимости и создания полноценной источниковой базы для выполнения музеем образовательной, воспитательной и просветительской деятельности. Про-

блему атрибуции музейных предметов, в том числе одежды, в музее начали решать в 1982 г. в процессе начавшейся научной инвентаризации. В настоящее время в музее имеется 8 книг с коллекционными описями, сделанными с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. В этих книгах существуют записи различного рода: даны или название предмета «тунгусский мужской кафтан, обтянутый красным сукном», или общая характеристика коллекции: «Коллекция этнографических предметов из быта якутов Западно-Кандалакского улуса. Дата поступления: 1885 г. от В.Л. Приклонского». В данной записи коллекции идет перечень предметов без каких-либо отличительных признаков. Осложняет атрибуцию музейных предметов и путаница с учетными номерами. Например, одна из коллекций в КП № 1, ч. 2, записана так: «Тунгусская коллекция, пожертвованная 20 декабря 1899 г. членом отдела горным инженером Сергеем Аристарховичем Подьяконовым» с номерами от 4801 до 4900. В коллекционной описи, сделанной в 1922–24 гг., эта коллекция числится под одним инвентарным номером 4804. Записи производили люди разного уровня научной подготовки – это сами собиратели коллекций и хранители (консерваторы) музея, и добровольные помощники музея что, естественно, отразилось на качестве описания предметов. Из записей в коллекционных описях следует, что предметы одной коллекции могли быть записаны в другую коллекцию, так как составление коллекционной описи продолжалось несколько лет. Предметы коллекции № 4804 описаны Е. Титовым в 1920–1923 гг. Регистрацию эвенской (ламутской) коллекций № 1429–1436 начал делать в 1920 г. Е. Титов, продолжил регистрацию Гаевски в 1925 г. Коллекции, собранные в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., были записаны в отдельную книгу поступлений с литерой «А». В случае утраты номера появлялись двойные идентичные номера, что приводило к путанице в определении места сбора, собирателя. Более 1000 предметов имеют запись о времени поступления в музей: «Из старого музея, из склада музея, из старых поступлений», что может говорить и о поступлении до иркутского пожара 1879 г. и о конце XIX в., и о предметах, переданных музеем из других музеев и организаций, как было с экспонатами с Парижской выставки. В 1868 г. секретарь Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Усольцев обратился к начальнику штаба Восточно-Сибирского военного округа П.А. Кукелю «...с просьбой разыскать или помочь разыскать вещи, взятые на Парижскую выставку. Отдел не знает где они» [12. Л. 5]. В 1869 г. потерянные вещи были возвращены в музей, с ними в качестве подарка прислали 2 чукотских костюма.

Необходимо также отметить, что за весь период существования музея пережил несколько крупных бедствий. Во-первых, городской пожар 1879 г., который уничтожил 80 процентов помещений города, в том числе и здание музея с десятками тысячами экспонатов. Во-вторых, три раза в послевоенное время собрание музейных предметов перевозилось из одного непригодного помещения в другое, такое же непригодное для хранения экспонатов. В-третьих, разделение музея в 1936 г. на краеведческий и художественный, а в 90-е гг. XX в. отделение архитектурно-этнографического музея «Тальцы» привело к дроблению коллекций и нарушению их целостности. Несмотря на все это, нужно признать, что музей сумел сохранить уникальную коллекцию традиционной одежды коренных малочисленных народов Северо-востока Сибири. Проведена работа по систематизации и классификации коллекции, установлены этническая принадлежность и

место сбора предметов верхней одежды, не имеющих таких данных, в том числе автором данной статьи. И в настоящее время результаты проделанной работы начали вводиться в научный оборот.

Литература

1. Вайнштейн С.И. Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Сов. этнография. 1985. № 3. С. 51–60.
2. Семьдесят пять лет Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества // Отдельный оттиск из «Известий Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества». Иркутск, 1926. Т. I. С. 3–142.
3. Отчет по музею ВСОИРГО, составленный бывшим препаратором музея членом отдела Д.П. Першиным // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1900. Т. 32. № 2. С. 33–36.
4. Виноградов Г. Краткий обзор этнографических изучений ВСОРГО // Отдельный оттиск из «Известий Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества». Иркутск : Власть труда, 1926. Т. 50. С. 3–41.
5. Действия Восточно-Сибирского отдела: Протоколы заседания Распорядительного комитета отдела. Иркутск, 1898. 23 с.
6. Отчет о деятельности ВСОРГО // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 3. С. 44–45.
7. Доклад Ревизионной комиссии собранию членов ВСОРГО о результатах ревизии деятельности отдела за 1898 г. // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1901. Т. 32, № 1–2. С. 1–55.
8. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Т. 2. Д. 4336. Л. 2.
9. Годовой план работы музея на 1925–1926 гг. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
10. Приемно-сдаточный акт за 1927 г. / Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.
11. Докладная записка Обкому ВКП(б) о состоянии Иркутского областного краеведческого музея за 1937 г. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
12. Переписка о выдаче из музея Сибирского отдела Русского Географического общества капитану Гельмерсену экспонатов для Парижской выставки // ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

Chernjavskaja Olga A. The Irkutsk Regional Local History Museum (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: ya.olcher@yandex.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 162–169 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/18

ON THE QUESTION OF ATTRIBUTION OF THE COLLECTION OF TRADITIONAL CLOTHING OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH-EAST SIBERIA IN THE COLLECTIONS OF THE IRKUTSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM

Key words: Acquisition of collections, inventory funds, problems of attribution, Irkutsk Regional Local History Museum.

Collection of clothing of the indigenous peoples of the North-East Siberia Irkutsk regional Museum of local lore is considered one of the finest ethnographic collections of Siberia. As a result of the poor documentation of Museum exhibits in XIX – beg. of XX vv. more than 1000 subjects were included later in the so-called «from old Museum» or «warehouse» Museum of not properly indicate ethnicity and time to produce.

Traditional clothing is part of the real part of the culture, fair presentation of which cannot be implemented in full, if there is no link in the source base.

Relevance of the research. conditions of modern society development is rapidly disappearing traditional cultural characteristics of individual Nations. In this regard, the role of Museum exhibits, often the only remaining evidence of ability to live of a people. When using the exhibits as ethnographic sources need to have reliable information on attribution.

The object of study are various aspects of the attribution of individual items from the collections of the peoples of the North-East Siberia, which began to emerge in mid- XIX century and actively practiced until 40-ies of XX century.

The subject of this work a meeting of the Irkutsk regional Museum of peoples of the North-East Siberia and documents on the history of its formation and attribution.

The extent of the problem. The analysis of scientific literature reassures that there virtually no descriptions and usage information about the collections of the peoples of the North-East Siberia from the collection of the Irkutsk regional Museum of local lore.

The aim of the research is to identify and address problems of attribution and scientific description of the collections of the peoples of the North-East Siberia in IOKM funds.

Theoretical and methodological basis of the study comprised the work of native historians, ethnographers outlining approaches and principles studying ethnic culture, work, in which the authors have developed a classification and functions of traditional clothing (p. g. Bogatyrev, G.m. Vasilevich, n.f. Prytkova, etc.), archival material stored in the funds of the Irkutsk regional Museum and the State archive of the Irkutsk region.

The scientific novelty of the research lies in the fact that it introduces into scientific circulation had not previously described the collection of funds of the Irkutsk regional Museum of local lore.

The theoretical and practical importance of the work. The destruction of traditional ways of life of indigenous peoples of Siberia in the 20th century caused the revival processes at the turn of the century ethnic awareness and interest in its cultural heritage and ancient original traditions. the results of attribution and scientific description of clothing from the Museum's collection can be used to create an objective picture of the life of indigenous people of the North-East Siberia at the end of XIX century, for the reconstruction of ancient rites and ceremonies of the indigenous population of the North-East Siberia.

References

1. Vaynshteyn, S.I. (1985) Aktual'nye voprosy polevogo issledovaniya traditsionno-bytovykh kultur narodov SSSR []. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 51–60.
2. The Russian Geographical Society. (1926) Sem'desyat pyat' let Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Seventy five years of the East-Siberian Division of the Russian Geographical Society State]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. L. pp. 3–142.
3. The Russian Geographical Society. (1990) Otchet po muzeyu VSOIRGO, sostavleny by vshim preparatorom muzeya chlenom otdela D.P. Pershinym [Report of the museum VSOIRGO by the former member of the museum's preparator D.P. Pershin]. *Izv. VSOIRGO*. 32(2). pp. 33–36.
4. Vinogradov, G. (1926) Kratkiy obzor etnograficheskikh izucheniy VSORGO [An overview of the ESRGS ethnographic studies]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. 50. pp. 3–41.
5. East Siberian Department of the Russian Geographical Society. (1898) *Deystviya Vostochno-Sibirskogo otdela: Protokoly zasedaniya Rasporyaditel'nogo komiteta otdela* [Actions of the East Siberian Department: Minutes of the Selection Committee of the Department]. Irkutsk: [s.n.].
6. East Siberian Department of the Russian Geographical Society. (1898) Otchet o deyatelnosti VSORGO [Report on the activities of the ESRGS]. *Izvestiya VSORGO*. 29(3). pp. 44–45.
7. East Siberian Department of the Russian Geographical Society. (1901) Doklad Revizionnoy komissii sobraniyu chlenov VSORGO o rezul'tatakh revizii deyatelnosti otdela za 1898 g. [Report of the Audit Commission to the meeting of the ESRGS members of the audit of the Department activities during 1898]. *Izvestiya VSORGO*. 32(1–2). pp. 1–55.
8. *The State Archives of Irkutsk Region*. (n.d.) Fund 70. List 3. File 2. Doc. 4336.
9. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore*. (n.d.) Godovoy plan raboty muzeya na 1925–1926 gg. [The annual work plan for the museum for 1925–1926]. Fund 9904. List 1. File 7.
10. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore*. (n.d.) Priemo-sdatochnyy akt za 1927 g. [Acceptance Act for 1927]. Fund 9904. List 1. File 22.
11. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore*. (n.d.) Dokladnaya zapiska Obkomu VKP(b) o sostoyanii Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya za 1937 g. [A report of the regional committee of the CPSU (b) on the state of the Irkutsk Regional museum for 1937]. Fund 9904. List 1. File 8.
12. *The State Archives of Irkutsk Region*. (n.d.) Perepiska o vydache iz muzeya Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva kapitanu Gel'mersenu eksponatov dlya Parizhskoy vystavki [Correspondence about giving exhibits for the Paris Exhibition from the Museum of the Siberian Division of the Russian Geographical Society to Captain Gelmersen]. Fund 293. List 1. File 3.